

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Кирчанов М.В. — Классические теории национализма в контекстах истории миноритарных национализмов Великобритании: региональные националистические движения как «маргинальный» сюжет современной историографии национализма // Genesis: исторические исследования. – 2023. – № 11. – С. 59 - 75. DOI: 10.25136/2409-868X.2023.11.68857 EDN: WMXBKE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68857

Классические теории национализма в контекстах истории миноритарных национализмов Великобритании: региональные националистические движения как «маргинальный» сюжет современной историографии национализма

Кирчанов Максим Валерьевич

ORCID: 0000-0003-3819-3103

доктор исторических наук

Воронежский государственный университет; доцент кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран, Факультет международных отношений; доцент кафедры истории зарубежных стран и востоковедения, Исторический факультет; ResearcherID: B-8694-2017; Scopus Author ID: 57193934324

394077, Россия, Воронежская область, г. Воронеж, ул. Пушкинская, 16, каб. 236

✉ maksymkyrchanoff@gmail.com

[Статья из рубрики "Теория и методология истории"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2023.11.68857

EDN:

WMXBKE

Дата направления статьи в редакцию:

31-10-2023

Аннотация: Цель представленного исследования – анализ возможности использования классических теорий национализма, предложенных в научной литературе, для анализа истории миноритарных национализмов в британской историографической ситуации. Автор в статье анализирует сложности интеграции и ассимиляции идеальных моделей Руритании и Мегаломании как воображаемых национализирующихся и модернизирующихся обществ, предложенных Э. Геллнером, а также периодизацию национализма Мирослава Хроха как «идеальные» интерпретационные модели в контекстах британской историографии. Предметом представленной статьи являются

классические модернистские теории национализма, объектом – возможности их применения в британских исторических исследованиях для изучения истории миноритарных национализмов. Предполагается, что процессы националистической модернизации и развития региональных национализмов, с одной стороны, воспринимаются через призму конструктивистского подхода. С другой стороны, автор полагает, что британский исторический материал характеризуется значительной степенью сопротивления и поэтому использование классических теорий национализма в контекстах консерватизма историографического воображения в Великобритании является дискуссионным. В статье проанализированы сложности интеграции истории региональных миноритарных национализмов и английского национализма в контексты социокультурного модернизма классических теорий национализма. Результаты исследования позволяют предположить, что для современной британской историографической ситуации одновременно характерен интерес к проблемам социальной истории региональных национализмов и значительный консерватизм, который проявляется в игнорировании классических теорий национализма, несмотря на эффективность их интерпретационных моделей.

Ключевые слова:

национализм, региональные национализмы, английский национализм, шотландский национализм, валлийский национализм, историография, ревизионизм, модернизм, социальная история, историческая память

Введение. Современная междисциплинарная историография национализма и относится к числу динамично развивающихся направлений в исторической науке. Историки, вовлеченные в изучение национализма, активно используют достижения политической истории, социальной истории, истории идей, интеллектуальной истории. Кроме этого исследования национализма создают возможности для междисциплинарного синтеза с политическими и социальными науками. Особое место среди современных европейских национализмов занимают национализмы Великобритании.

В сравнении с другими националистическими движениями в континентальной Европе, в частности, и в западном мире, в целом, история национализма в Великобритании изучена в меньшей степени, чему содействует целый ряд причин. Традиционно в исторической литературе наиболее активно изучались миноритарные национализмы, с первую очередь ирландский. Позднее в число объектов изучения вошли шотландский и валлийский национализмы. В этой ситуации в историографии, сфокусированной на изучении национализма на Британских островах, складываются диспропорции, связанные с тем, что миноритарные национализмы изучены в большей степени. Это допущение относится к истории и современному состоянию валлийского, ирландского и шотландского национализмов.

Вместе с тем, формально национализм фактического большинства, то есть английский, в исторической литературе нередко оказывался в тени своих более успешных региональных конкурентов, которые привлекали больше внимания со стороны исследовательского сообщества. Кроме этого изучения национализма на территории Великобритании сопряжено не только с собственно историографическими трудностями, связанными со сложившимися диспропорциями в выборе объектов изучения через призму политической и идеологической актуальности, но и с определенными затруднениями методологического характера.

Известно, что в середине XX века сложилась теоретическая историография, посвященная национализму. Усилиями таких ученых как Эрнест Геллнер, Бенедикт Андерсон, Эрик Хобсбаум, Мирослав Хрох и других была предложена методология изучения национализма как универсального и всемирно-исторического явления. В рамках такой преимущественно модернистской и конструктивистской исторической академической традиции подчеркивалась универсальность национализма как фактора и источника социальной модернизации. Кроме этого, в модернистской историографии национализма институционализирована определенная тематическая непропорциональность, так как в научной литературе история националистических движений миноритарные группы и формально доминантных сообществ исследуется неравномерно. В этой ситуации особую актуальность в историографии приобретают вопросы, связанные с методологическими и теоретическими аспектами исследования истории национализма на территории Великобритании.

Цель и задачи. Поэтому целью автора в данной статье будет анализ возможностей, особенностей и перспектив использования того методологического инструментария, который был предложен в международной историографии национализма, сфокусированной преимущественно на изучении националистического опыта европейских или американских обществ и государств. В число задач автора входит 1) изучение возможностей применения и трансплантации классических интерпретаций истории возникновения и развития национализма, концептуализированных в рамках модернистской историографии, в которой успех националистических движений нередко связывался и объяснялся последствиями и результатами социальной и политической модернизации, 2) выявление междисциплинарных связей историографии национализма со смежными направлениями развития современной исторической науки, включая мемориальные исследования, новую социальную историю, историю идей и интеллектуальную историю, 3) анализ перспектив интеграции региональных британских сюжетов, связанных с историей валлийского, английского и шотландского национализмов в международную историографию национализма, что неизбежно предусматривает ассимиляцию конструктивистского инструментария в британской традиции изучения истории национализма.

Геллнеровская теория национализма в английских контекстах. Несмотря на то, что британская историческая наука имеет значительный опыт изучения как английского, так и миноритарных национализмов, социальные теории национализма, связанные с изучением процессов модернизации, оказали меньшее влияние на академический дискурс, чем подходы, возникшие в результате изучения собственно островного исторического и политического опыта. В первой половине 2010-х гг. британские историки подошли к осознанию того факта, что ситуация, при которой «политика "классов и распределения" была "нормальной", а "националистическая" политика – "ненормальной"» [\[1\]](#) не совсем адекватно отражала последствия развития миноритарных национализмов, что вынуждало исследователей пересматривать исследовательские приоритеты.

Проблемы методологического свойства были характерны и для региональных историографий, например – для валлийской, в рамках которой «децентрализация Уэльса не получила адекватного теоретизирования. После голосования за передачу полномочий Уэльса в 1997 г. многие ученые в Уэльсе приняли откровенно "праздничный", некритический взгляд на передачу полномочий как на радикальное изменение британского государства, принимая за чистую монету утверждение о том, что она была разработана для омоложения валлийской демократии» [\[2\]](#). Такой подход

свидетельствует о постепенной трансформации академического дискурса в политический, что представляется особенно прискорбным на фоне уникального валлийского материала, который демонстрирует включенность национализма в контексты социальной истории, хотя эта дихотомия в исторической литературе практически не рассматривается через призму теорий национализма, склонных воспринимать последний в широких контекстах модернизации.

Исключением из ситуации столь негативной историографической динамики, вероятно, была Ирландия [\[3\]](#), история которой в британской историографии воспринималась как пространство для апробирования различных методов, что не исключало актуализации потенциала и социальной истории, которая, правда, ограничивалась концептуально концепциями «внутреннего колониализма» М. Хехтера [\[4\]](#) и «культурного национализма» Дж. Хатчинсона [\[5\]](#). Поэтому, как полагает английский историк Дэвид МакКроун «при обсуждении "политики идентичности" в современной Британии вопросы этнической принадлежности и национальной идентичности редко встречаются в литературе, так как сама академическая риторика основана на концепциях этнической принадлежности, структурно примыкающих к "мультикультурализму", что делает словарь и риторику исследований национализма и национальной идентичности связанными с изучением конституционной политики и передачи власти» [\[6\]](#).

Подобный академический изоляционизм определяет основные векторы и траектории изучения национализма в историографии Британии, склонной игнорировать теоретические концепции, применяемые для анализа европейских национализмов несмотря на то, что часть из них в научный оборот была введена английскими исследователями. Более того, некоторые историки склонны «лингвистически» спорить с социокультурным модернизмом, который доминирует в международной историографии национализма, подчёркивая свое несогласие с последней уде на уровне названия собственных исследований [\[7\]](#). Среди концепций, предложенных в рамках исследований национализма, особое место занимает дихотомия Руритания / Мегаломания, предложенная Э. Геллнером [\[8\]](#).

Согласно идеальной модели британского историка Руритания и Мегаломания исторически могли быть частью одного многосоставного общества и, хотя политические институты такого социума для Э. Геллнера имели второстепенное значение, не представляется возможным исключать, что речь могла идти о композитарной монархии. Подобно большинству подобных государственных образований уровни развития Руритании и Мегаломании существенно отличались. Мегаломания представляла собой наиболее развитую в следствие индустриализации и социальной модернизации часть государства в то время, как Руритания оставалась преимущественно аграрным регионом, населенным крестьянством, вынужденным мигрировать в более развитые мегаломанские города в условиях индустриализации.

Хелен Льюис, комментируя особенности британского пространства, указывает на противоречия логистики, так как «география является важным фактором. Сельский север Уэльса находится недалеко от Ливерпуля и, возможно, имеет лучшее транспортное сообщение с английским городом, чем столица Уэльса Кардифф на юге страны. Шотландия также имеет в своей структуре более сельский север, но она расположена посреди холодного Северного моря» [\[9\]](#). Анализируя эти пространственные особенности социальной истории, М. Джонс выделяет ряд факторов, которые определили основные векторы ее развития.

Во-первых, в Уэльсе население сконцентрировано вдоль плоских прибрежных территорий, включая Кардифф, Суонси и Ньюпорт. Во-вторых, эти регионы стали центром промышленного развития. В-третьих, центральное высокогорное плато, в отличие от этих более развитых регионов, отличается преобладанием аграрного сектора, что «всегда затрудняло сообщение и транспорт внутри Уэльса». В-четвертых, в центре и на северо-востоке Уэльса «низкая плотность населения сыграла решающую роль в выживании языка». В-пятых, территориальные и, как следствие, относительно «изолированные» сообщества стали самодостаточными и даже замкнутыми, восприимчивыми к идеям самопомощи и независимости, поощряемыми неконформистской религией, очень сплоченными и четко отличающимися от других социальных единиц, таких как другие деревни или религиозные группы» [10].

Различия между Шотландией и Уэльсом как двумя композитами подобного государственного образования проявлялись и в идентичности: руританцы и мегаломанцы говорили на языках, которые принадлежали к различным группам. В такой ситуации отношения между различными группами сводились к сосуществованию в условиях интеграции миноритарных сообществ в имперские контексты, хотя степень успешности такой интеграции могла быть различной, что, например, проявилось в функционировании валлийского сообщества [11], которое несмотря на понижение статуса миноритарной группы оказалось в состоянии сохранить идентичность. Поэтому, анализируя историю развития региональных национализмов, во внимание следует принимать и разнотемпные социальные динамики, характерные для процессов националистической модернизации на региональном уровне.

В условиях сначала ускоренной капиталистической трансформации Англии, которая имела место после возникновения политической нации, лидерами развития региональных национализмов стали кельтские регионы. Поэтому французская исследовательница Франсуаза Орази полагает, что национализм в Великобритании не только усиливался, но и становился универсальным по мере развития кельтской политики [12]. Последняя фактически ограничивалась усилиями Лондона, направленными сначала на подавление региональных национализмов, а позднее – на диалог с ними.

Принимая во внимание не только лингвистические особенности миноритарных сообществ в британской истории, а также одновременное и параллельное сорастворение факторов этничности и идентичности [13], политические и социально-экономические процессы содействовали национализации сообществ, наделяя принципы национализма не только качествами универсальности, но и характеристиками неизбежности. Трансплантируя эти допущения в контексты британской истории, во внимание следует принимать, что число таких композитов было больше двух. Комментируя особенности исторического процесса в Британии на региональном уровне, Джон М. МакКензи подчеркивает, что «каждая из четырех наций имела отдельные отношения с империей, и каждая идентичность развивалась и укреплялась, а не разрушалась имперским опытом» [14].

Развитие британской монархии вело к институционализации разных статусов композитов. Например, Шотландия фактически была вынуждена отказаться от собственной государственности, что привело к институционализации младшего партнерства в составе Великобритании [15]. Если в случае с Шотландией особенности региона были связаны с политическими институтами, то в Уэльсе изменения носили преимущественно социальный характер, будучи связанными с более медленными темпами модернизации [16]. Кроме этого, ряд социальных, но различных, конструкций на региональном уровне валлийских

сообществ сосуществовал в одном и том же социальном пространстве [\[17\]](#), которое стало политической сферой развертывания валлийского националистического проекта. В рамках исторически сложившейся иерархии композитов британской монархии Уэльс нередко оказывался в положении социального аутсайдера, что проявлялось в игнорировании культурных особенностей валлийского пространства ради реализации модернизационных проектов [\[18\]](#). В этой ситуации идентичность подвергалась принудительной травматизации, что находило отражение в исторической памяти и мемориальной культуре [\[19\]](#).

Две последние стали факторами перманентной актуализации социального уровня валлийского национализма на уровне местного активизма. Поэтому на региональном уровне «валлийцы вложили большую часть национальной памяти в травмы и ландшафты. Травма заключается во внешней силе колонизации языка и культуры, в то время как эксплуатация ландшафта посредством промышленности имеет элемент внутреннего соучастия, позволившего такому развитию событий произойти. Большая часть Уэльса встроена в ландшафт... впоследствии индустриализация, вырубка лесов, карьеры и водохранилища – все это способствует изменениям в национальной идентичности» [\[20\]](#). Этнические отличия подчеркивались и различными статусами языков: если мегаломанский доминировал в сфере политики, образования и судопроизводства, то руританский не мог с ним эффективно и успешно конкурировать, оставаясь совокупностью крестьянских, не кодифицированных, диалектов, применение которых было ограничено территориями компактного проживания их носителей.

Трансплантируя геллнеровские допущения в валлийские контексты, языковая проблема статуса и использования валлийского языка актуализирует не только различные социальные и культурные, но и фактически классовые статусы. Поэтому усиление валлийского национализма генерирует «новые источники классовых трений» [\[21\]](#). В контекстах британской социальной истории схема, предложенная Э. Геллнером, заметна в истории прогресса и усиления региональных национализмов, который фактически содействовали функционированию Великобритании как многосоставной монархии не только со множественными идентичностями [\[22\]](#), но и различными политическими институтами [\[23\]](#). Если концепция Э. Геллнера может быть признана применимой для изучения истории миноритарных национализмов, то английский материал, в отличие от валлийского или шотландского, отличается большим сопротивлением в случае его описания через призму геллнеровского подхода.

Поэтому в британской историографии в отношении английского национализма подчеркивается, что «английскость в европейских терминах отличается классом, а не этническим характером, что гарантировало очень надежную и стабильную идентичность» несмотря на то, что к концу XX века все же было признано наличие и развитие «более этнизированной формы идентичности» [\[24\]](#). Схема, предложенная Э. Геллнером, не исключает социальных перемен и культурных трансформаций. Она их, наоборот, предусматривает и связывает с параллельным развитием как мегаломанского, так и руританского национализма, политические скорости генезиса и развития которых были различны и зависели от стартовых условий модернизации, связанных с особенностями регионального развития Мегаломании и Руритании.

Если формально мегаломанский национализм был национализмом большинства, то руританский представлял собой миноритарный, регионально ограниченный национализм. Дальнейшие теоретические допущения Э. Геллнера, с одной стороны, связаны с

историческим опытом правого и левого авторитаризма, и, принимая во внимание отсутствие опыта как первого, так и второго в британской истории XX века, могут быть опущены как значимые только для континентальной Европы, но не для Британских островов. С другой, геллнеровская концепция национализма предусматривает наличие в обществе социальной и политической иерархии, связанной с тем, что формальное сообщество-большинство может фактически применять дискриминационные стратегии в отношении миноритарных групп.

Ассимиляция британского материала в современных исследованиях национализма показывает, что на статус большинства могут претендовать англичане, но особенностью ситуации является то, что трансформация английской идентичности в направлении политической и гражданской нации хронологически произошла позднее, чем аналогичные процессы имели место среди шотландцев и валлийцев как миноритарных групп. Поэтому историки начали анализировать «сдвиг в сторону английской идентичности, которую часто определяют как необходимую реакцию на растущую самоуверенность “других” национальных групп внутри Британии» [25] позднее, чем апробировали социальные теории национализма на истории миноритарных групп.

Кроме этого, во внимание следует принимать и то, что если, например, валлийский национализм синтезировал ценности нации и принципы класса уже в первой половине XX века, то английский только к концу XX столетия был фактически поставлен перед выбором между собственно национальной идентичностью англичан как формального большинства и вызовами «класса, неравенства и изоляции» [26]. Поэтому исследования английского национализма, основанные на ассимиляции идей континентальной французской социологии с ее концептами «классовой траектории» [27] и «вторичных свойств классов» [28], формировали образ типичного сторонника английского национализма как «обиженного националиста» и «либерального космополита» [29].

В британской историографии признается сложность ситуации, которая сложилась с английским национализмом на фоне общего кризиса политических партий, так как последние не совсем успешно конкурируют с новыми вызовами, например – регионализмом. Если в отношении валлийского и шотландского национализмов признается, что они успешно прошли в своем развитии этап регионализма в 19 веке, то новый английский национализм на фоне кризиса традиционных партий, которые претендовали на актуализацию английской идентичности в политике, может существенно ослабить английский национализм, который и вовсе определяется как «зарождающийся» [30]. Более того, восприятие класса в английской историографии переплетено с развитием представлений о расе, что имеет место на фоне санкционированной «амнезии в отношении колониального прошлого и его последствий для постколониального настоящего» [31], что существенно влияет как на методологию исследований национализма, так и на тематику, которой они ограничены.

Кроме этого, следует признать и то, что изучение социальной истории [32] не стало стимулом для интеграции условно «классовых» сюжетов в тематику исследований национализма. Вместе с тем, трансплантация подхода Э. Геллнера в исследования, сфокусированные на изучении национализма в Великобритании, актуализирует дихотомию, связанную с различным восприятием английского, с одной стороны, и региональных (валлийского и шотландского) национализмов, с другой. Если вторые, воспринимаясь как миноритарные национализмы неравноправных групп, фактически легитимируются, то первый подвергается стигматизации, так как социальные

«прегрешения» Лондона перед кельтскими регионами с концепта «британскости» почти автоматически переносятся на «английские» нарративы [\[33\]](#), что актуализирует не только многосоставной характер Великобритании, но и ее социальные измерения, основанные на применении дискриминационных практик.

Теория М. Хроха в британских контекстах. Особое место в попытках концептуализации истории национализма занимает подход чешского историка М. Хроха, предложившего теоретические основания для периодизации националистических движений. Исторический национализм являлся фактором социальных перемен и трансформаций, так как «занимал центральное место в некоторых из величайших движений за свободу и справедливость с конца 18 века, таких как многие движения за самоопределение» [\[34\]](#). Мирослав Хрох стремился подобные абстрактные утверждения не только наполнить примерами, но и хронологически локализовать в контекстах социального, исторического, политического и культурного времени. Именно поэтому чешский историк предложил выделять три фазы в истории национализма.

Согласно его предположению, Стадия А характеризовалась преимущественно культурологическим национализмом и активностью националистов, направленной на изучение языка и культуры. Стадии А в валлийском случае предшествовали общие негативные стартовые условия. По мнению К. Дикмана, «периферийный статус Уэльса в сравнении с Англией сформировался в средние века. Неблагоприятные природные условия сдерживали прирост населения и развитие городов» [\[35\]](#). Анализируя развитие национализма на Британских островах, во внимание, вероятно, следует принимать мнение, высказанное Хансом Коном в 1940 г., когда он подчеркнул наличие различных скоростей социальных и политических изменений в европейской истории, полагая, что исторически Англия представляла собой периферийную и не очень развитую страну в сравнении с континентальной Европой [\[36\]](#).

Вместе с тем, дальнейшая социальная динамика вывела государство в число экономических лидеров, а упомянутые Х. Коном диспропорции были фактически институционализированы на региональном уровне, о чем в 19 и 20 вв. свидетельствовала динамика развития миноритарных национализмов, включая шотландский и валлийский, которая в исторической перспективе может быть определена как успешная [\[37\]](#). Поэтому Стадия В связана с деятельностью национальных активистов, которые последовательно борются за изменение статуса той группы, к которой они принадлежат, в направлении его повышения. В ряде случаев успехи национализма на этом этапе сочетались с поражениями социального и экономического уровня.

Например, в Уэльсе, где развитие национализма хронологически совпало с «улучшением транспортных связей с Англией, что привело к появлению новой промышленности в Уэльсе, создав тем самым систему регионального экономического неравенства, подчеркивающую для валлийцев, что их экономика была подчиненной, служащей потребностям преимущественно английского капитализма» [\[38\]](#), националистическая мобилизация и ее последствия носили не только этнический, но и социальный характер [\[39\]](#). Стадия С представляет собой период активной политической и социальной модернизации, в рамках которой общество обретает свои завершенные структуры, а национализм утрачивает исключительно интеллектуальный характер, превращаясь в массовое движение, целью которого становится создание национального государства.

В случае валлийского национализма роль лидеров становится важной и заметной именно на Стадии С, начало которой в Уэльсе, вероятно, следует датировать 1960-ми гг.

[40], что актуализирует замедленную динамику социальных и политических трансформаций, так как националисты и общество достигли компромисса относительно важности этнического национализма в 1960 – 1970-е гг. [41], то есть позже чем этничность была инструментализирована другими миноритарными национализмами. Вместе с тем, попытки институционализации этничности в рамках валлийского национализма имели место и ранее, но подобные стратегии в британской историографии изучаются преимущественно в рамках культуральной истории [42].

Подобная стройность концепции М. Хроха плохо ассимилирует британский материал. По мнению Тома Нэйрна, композиты британской многосоставной государственности к началу XX века «по крайней мере частично преодолели главный барьер процесса развития. В отличие от южной Ирландии, в течение 19 века они стали значительно индустриализированными, превратившись в важные субцентры викторианской капиталистической экономики, а вокруг их крупнейших городских центров – Белфаста, Кардиффа и Глазго – сформировались средний и рабочий классы, которые сознательно и бесспорно отдали свою основную политическую преданность имперскому государству» [43], а не региональным националистическим движениям, о чем писал М. Хрох, признавая национализм универсальным фактором развития.

К началу Стадии С в истории валлийского национализма Уэльс как регион подвергся определенным трансформациям, так как «процесс модернизации привел к выравниванию социальных различий и эрозии традиционной валлийской обыденной и высокой культуры» [44, s. 87]. Поэтому, националистические движения в регионах Великобритании, которые достигли этой стадии, следует определять как «национализм меньшинств», то есть «национализм политически подчиненных групп, стремящихся к государственности» [45]. Что касается национализма в Уэльсе, то процесс возникновения и консолидации местных экономических и социальных институтов был в значительной степени замедлен в силу того, что, по мнению С. Брукса, «Уэльс был неудачен в своей географии. В нем не было городских центров, и до индустриализации он представлял собой обедневшую горную местность в непосредственной близости от гораздо более богатой и доминирующей равнины. Это сохраняло этнические различия, но затрудняло сбор капитала для расширения и национального строительства. Многие представители валлийской буржуазии концентрировались в крупных городах Англии, таких как Ливерпуль и Манчестер, а не в Уэльсе» [46].

Тем не менее, такая формально негативная социальная динамика подверглась существенной политизации [47], что привело к инструментализации национализма и актуализации тех его функций, которые были направлены на решение конкретных задач, что и придало валлийскому национализму большую успешность в сравнении, например, с английским. Отдаление формально национальной буржуазии от исторической и этнической территории Уэльса существенно ослабляло ее влияние на формирующийся национализм, актуализируя замедленные темпы социальной модернизации. В подобном контексте валлийский национализм, по мнению некоторых историков, «отверг урбанизм, что может быть одной из причин его недостаточного развития. Большая часть “валлийского урбанизма” имела место в английских городах, в некоторой степени отрезав их от национальной территории» в то время, как «влияние новых городских поселений на угольных месторождениях Уэльса» [48] было второстепенным фактором.

В такой ситуации, несмотря на одновременное укрепление валлийского национализма и валлийской национальной буржуазии эти процессы протекали в разных географических

пространствах. Несмотря на формальную логику подобной периодизации, ее реальная трансплантация в контексты британской истории представляется затруднительной, так как, по мнению Д. Мура [\[49\]](#), процессы национального строительства в Уэльсе развивались дискретно и, поэтому, для региона характерно одновременное и параллельное протекание различных процессов в рамках национальной модернизации. Таким образом, развитие национализма интегрируется в контексты социальной истории [\[50\]](#), что превращает национализм в фактор социальных изменений и трансформаций.

Если национализм в Шотландии и Уэльсе стал фактором социальных изменений уже в 19 веке, то в Англии эти процессы протекали более медленно. Социальная компонента английского национализма стала заметна только в 1980-е гг., когда М. Тэтчер обострила социальные проблемы, проводя политику разрушения профсоюзов [\[51\]](#), что вынудило рабочее движение мутировать в направлении национального. В рамках этих трех фаз, если мы переносим эту периодизацию в контексты валлийской социальной истории, вероятно, следует констатировать «две волны индустриализации, сначала медной, а позднее угольной и стальной, которые создали радикально-либеральное, а затем социал-демократическое общество» [\[52\]](#), социально укорененное на региональном уровне. Периодизация, которая носит в значительной степени абстрактный характер, будучи оторванной от европейского исторического контекста, в работах М. Хроха сопровождается попытками социологизации истории национализма.

Несмотря на явные тенденции к социологизации истории, которые стали следствием участия М. Хроха в развитии и поддержании чешской версии историографии, формально основанной на марксизме, социальные измерения процессов развития национализма оказываются фактически игнорируемыми. Последнее особенно интересно на фоне того, что такая социальная компонента в истории региональных национализмов в Великобритании в большей степени была интегрирована в историографию благодаря усилиям американского историка Майкла Хехтера, который показал важность таких факторов как «региональное экономическое неравенство» и «пространственное распространение индустриализации» [\[53, p. 130 – 132, 138 – 141\]](#) в социальном развитии, например, валлийского национализма.

Примечательно, что последняя основана на странной полемике с Э. Геллнером, так как покойный британский историк уже не в состоянии ответить на замечания своего оппонента. Во-первых, М. Хрох редуцирует генезис национализма до двух форм: в рамках государства и в условиях наличия неравноправного статуса миноритарной группы. Во-вторых, по мнению М. Хроха, концепции национализма Э. Геллнера и Б. Андерсона преувеличивают роль таких общественных и культурных практик как «воображение» и «изобретение». В-третьих, хотя М. Хрох и признает важность социальных трансформаций, он интерпретирует их иначе, чем Э. Геллнер, полагая, что «роль индустриализации невозможно переоценить. Эмпирические данные не подтверждают геллнерианскую теорию, согласно которой индустриализация была решающей предпосылкой зарождения "национализма". Связь в данном случае была более сложной.

Непосредственное воздействие индустриализации было довольно ограниченным, но опосредованно его влияние передавалось через социальную мобильность и укрепление социальной коммуникации» [\[54\]](#), которые несмотря на свои значительные культурные темпы, не всегда коррелировались с изменениями на уровне национальной идентичности, так как последняя консолидировалась в условиях доминирования

негативной социальной динамики. Несмотря на регулярное упоминание в данном тексте Англии, представляется затруднительным интегрировать исторический опыт английского национализма в ту интерпретационную модель, что была предложена М. Хрохом.

Такая ситуация стала следствием того, что история английского национализма изучалась вне европейского контекста, так как «Европа представляет собой особую проблему для англичан» [\[55\]](#). Это связано с тем, что, как полагает Р. Инглиш, английский национализм не только «может во многом отличаться от соседних национализмов», но фактически представляет собой «отсутствующий фактор» в силу того, что «большинство англичан по-прежнему полагает, что их английская идентичность может быть выражена в рамках британскости и британского государства, которые не требуют серьезного изменения или националистической мобилизации», свидетельствуя фактически о том, что. Англия «пережила возрождение культурной идентичности, но не национализма как такового» [\[56, p. 7\]](#).

Выводы. Для современной историографии Великобритании, сфокусированной на изучении английского, валлийского и шотландского национализмов как региональных в значительной степени характерен определенный изоляционизм. История этих национализмов интерпретируется почти исключительно в британской системе координат, что позволяет авторам игнорировать социальные, политические, культурные и экономические факторы, которые могли быть общими или близкими к аналогичными явлением на территории Европы. Изучение истории региональных национализмов в современной британской академической традиции, к сожалению, характеризуется значительными диспропорциями.

Поэтому анализ миноритарных национализмов может носить исключительно теоретический или излишне описательный характер, будучи сфокусированном на событийных уровнях их истории, что существенно влияет на качество историографии, посвященной истории национализма, превращая ее, как минимум, в периферийную, если не маргинальную, в сравнении с академическими исследованиями по истории национализма в Европе, для которых характерна значительная проработка социальных и экономических условий, а так же политических факторов модернизации и изменений, которые привели к институционализации наций как воображаемых сообществ, заменив традиционные системы лояльности, легитимности и идентичности.

Для терминологического аппарата, который используется в таких исследованиях, характерная ситуация неопределенности, двусмысленности или фронтирности, что связано с локализацией в истории модернизации опыта, с одной стороны, английского, а, с другой, шотландского и валлийского национализмов. Если два вторые в сравнении с первыми могут быть описаны как миноритарные, то формально «зонтичным» понятием для всех может стать дефиниция «региональные национализмы». Анализ английского, валлийского и шотландского национализмов через призму региональности, в целом, чрезвычайно интересен в сравнительной перспективе.

Вместе с тем, такая исследовательская стратегия чревата редукцией истории национализмов до социальной истории в контекстах политической модернизации как фактора институционализации наций. Во внимание следует принимать и то, что, начиная с 1983 г., в историографии сложилась устойчивая традиция изучения именно европейских, американских или восточных национализмов через призму теорий, проанализированных в данной статье. Поэтому попытки их трансплантации в историографию региональных национализмов в Великобритании чреваты вторичностью выводов, намеренной интеграцией шотландских или валлийских сюжетов в более

широкие европейские контексты, что не только может стимулировать компаративные исследования, но и привести к игнорированию местных факторов как второстепенных в сравнении с общими тенденциями, которые были характерны для истории национализма в целом. Тем не менее, автор вынужден констатировать, что в современной междисциплинарной историографии национализма присутствуют явные диспропорции, связанные с разной степенью изученности истории региональных национализмов в Великобритании.

Кроме этого, те исследовательские тактики и стратегии, которые используются британскими историками, вероятно, стали следствием сознательного историографического выбора. Британская историография английского, валлийского и шотландского национализмов аномальна в плане актуализации регионального контекста и игнорировании опыта международного изучения национализма. Последнее вовсе не исключает возможности не ассимиляции достижений теоретической историографии национализма британскими историками, но позволяет подвергнуть ревизии тот канон, который сложился в их исследованиях, интегрировав истории английского, валлийского и шотландского национализмов в более широкие контексты междисциплинарности, предложенные в рамках социальной истории, конструируемой через призму модернизации.

Библиография

1. Condor S., Fenton S. Thinking across domains: Class, nation and racism in England and Britain // *Ethnicities*. 2012. Vol. 12. No 4. P. 385-393. DOI: <https://doi.org/10.1177/1468796812448016>
2. Evans D. Welsh devolution as passive revolution // *Capital and Class*. 2018. Vol. 42. No 3. P. 489-508. DOI: <https://doi.org/10.1177/0309816817742343>
3. Murray P. Irish History as a Testing Ground for Sociological Theory: Hechter's Internal Colonialism and Hutchinson's Cultural Nationalism // *Irish Journal of Sociology*. 1994. Vol. 4. No 1. P. 128-159. DOI: <https://doi.org/10.1177/079160359400400107>
4. Hechter M. Internal Colonialism Revisited // *New Nationalisms of the Developed West* / eds. E.A. Tiryakian, R. Rogowski. L.: Allen and Unwin, 1985. P. 17-26.
5. Hutchinson J. The Dynamics of Cultural Nationalism: The Gaelic Revival and the Creation of the Irish Nation State. L.: Allen and Unwin, 1987.
6. McCrone D. Who do you say you are?: Making sense of national identities in modern Britain // *Ethnicities*. 2002. Vol. 2. No 3. P. 301-320. URL.: <https://doi.org/10.1177/14687968020020030201>
7. Condor S. Unimagined community? Some social psychological issues concerning English national identity // *Changing European Identities* / eds. G. Breakwell, E. Lyons. Oxford: Butterworth Heinemann, 1996. P. 41-68.
8. Gellner E. Nations and nationalism. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
9. Lewis H. Why Nationalists Fail // *The Atlantic*. 2019. December 11. URL.: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2019/12/uk-election-wales-scotland-independence/603283/>
10. Jones M. Framing Welsh identity // *Textes et Contextes*. 2008. No 1. URL.: <https://preo.u-bourgogne.fr/textesetcontextes/index.php?id=109.halshs-00317835v2>
11. Jones A., Jones B. The Welsh World and the British Empire, c.1851-1939: An Exploration // *Journal of Imperial and Commonwealth History*. 2003. Vol. 31. No 2. P. 57-81.
12. Orazi F. The Elusiveness of Nationalism // *Revue Française de Civilisation Britannique*.

2022. Vol. XXVII. No 2. URL.: <https://journals.openedition.org/rfcb/9353> DOI: <https://doi.org/10.4000/rfcb.9353>
13. Hastings A. *The Construction of Nationhood: Ethnicity, Religion and Nationalism*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
 14. MacKenzie J.M. Irish, Scottish, Welsh and English Worlds? A Four-Nation Approach to the History of the British Empire // *History Compass*. 2008. Vol. 6. No 5. P. 1244-1263. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1478-0542.2008.00543.x>
 15. Boulter S. Globalization and nationalism in England, Scotland and Wales // *Xavier Journal of Politics*. 2020. Vol. IX. P. 44-66.
 16. Jackson A. Why Did Wales Stay in the Union in the Early Twentieth Century? // *Reform and Its Complexities in Modern Britain: Essays Inspired by Sir Brian Harrison* /eds. B. Kinzer, M. Kramer, R. Trainor. Oxford: Oxford Academic Press, 2022. P. 248-280. DOI: <https://doi.org/10.1093/oso/9780192863423.003.0012>
 17. Borland J., Fevre R., Denney D. Nationalism and Community in North West Wales // *The Sociological Review*. 1992. Vol. 40. No 1. P. 49-72. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-954X.1992.tb02945.x>
 18. Lewis H. Why Nationalists Fail // *The Atlantic*. 2019. December 11. URL.: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2019/12/uk-election-wales-scotland-independence/603283/>
 19. Griffiths H.M. Water under the bridge? Nature, memory and hydropolitics // *Cultural Geographies*. 2014. Vol. 21. No 3. P. 449-474. DOI: <https://doi.org/10.1177/1474474013510109>
 20. Subbe C. 'Anghofiwch Dryweryn' – time to forget? // *Wales Arts Review*. 2022. August 31. URL.: <https://www.walesartsreview.org/anghofiwch-dryweryn-time-to-forget/>
 21. Williams C.H. When Nationalists Challenge: When Nationalists Rule // *Environment and Planning C: Government and Policy*. 1985. Vol. 3. No 1. P. 27-48. DOI: <https://doi.org/10.1068/c030027>
 22. *A Union of Multiple Identities: The British Isles, c.1750–1850* / eds. L. Brockliss, D. Eastwood. Manchester: Manchester University Press, 1997.
 23. Clark J.C.D. English History's Forgotten Context: Scotland, Ireland, Wales // *The Historical Journal*. 1989. Vol. 32. No 1. P. 211-228.
 24. Aughey A. Englishness as class: A re-examination // *Ethnicities*. 2012. Vol. 12. No 4. P. 394-408. DOI: <https://doi.org/10.1177/1468796812448018>
 25. Skey M. "Sod them, I'm English": The changing status of the 'majority' English in post-devolution Britain // *Ethnicities*. 2012. Vol. 12. No 1. P. 106-125. DOI: <https://doi.org/10.1177/1468796811419601>
 26. Mann R. Uneasy being English: The significance of class for English national sentiments // *Ethnicities*. 2012. Vol. 12. No 4. P. 484 – 499. DOI: <https://doi.org/10.1177/1468796812448025>
 27. Bourdieu P. *Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste*. London: Routledge and Kegan Paul, 1984.
 28. Bourdieu P. Social space and symbolic power // *Sociological Theory*. 1989. Vol. 7. No 1. P. 15-25. DOI: <https://doi.org/10.2307/202060>
 29. Fenton S. Resentment, class and social sentiments about the nation: The ethnic majority in England // *Ethnicities*. 2012. Vol. 12. No 4. P. 465-483. DOI: <https://doi.org/10.1177/1468796812448023>
 30. Mycock A. The Party Politics of the 'New English Regionalism' // *Political Studies*

- Review. 2016. Vol. 14. No 3. P. 388-399. DOI:
<https://doi.org/10.1177/1478929916649618>
31. Tyler K. The English village, whiteness, coloniality and social class // *Ethnicities*. 2012. Vol. 12. No 4. P. 427 – 444. DOI: <https://doi.org/10.1177/1468796812448020>
 32. Young J.D. *The Rousing of the Scottish Working Class*. L.: McGill – Queen's University Press, 1979.
 33. Shaw R., Richardson M.J. An Epic Tale of England: Atmospheric authentication of nationalist narratives // *Environment and Planning D: Society and Space*. 2021. Vol. 40, No 2. P. 351-368. URL.:
<https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/02637758211065758> DOI:
<https://doi.org/10.1177/02637758211065758>
 34. Mylonas H., Tudor M. Nationalism: What We Know and What We Still Need to Know // *Annual Review of Political Science*. 2021. Vol. 24. P. 109-132.
 35. Diekmann K. Wales: Interne Kolonie oder Profiteur? // *Europäische Innere Peripherien im 20. Jahrhundert* / hrsg. H-H. Nolte. Franz Steiner Verlag, 1997. S. 85. S. 83-94.
 36. Kohn H. The Genesis and Character of English Nationalism // *Journal of the History of Ideas*. 1940. Vol. 1. No 1. P. 69 – 94. DOI: <https://doi.org/10.2307/2707011>
 37. Morgan K.O. Welsh Nationalism: The Historical Background // *Journal of Contemporary History*. 1971. Vol. 6. No 1. P. 153-172. DOI:
<https://doi.org/10.1177/0022009471006001>
 38. Tudur D. Cymru'n Deffro: Michael D. Jones and the "national awakening" // *Studies on National Movements*. 2014. Vol. 2. No 1. URL.:
<https://openjournals.ugent.be/snm/article/id/85402/> DOI:
<https://doi.org/10.21825/snm.85402>
 39. Studlar D.T. Comment: The Social Context of Welsh Nationalism // *Western Political Quarterly*. 1981. Vol. 34. No 2. P. 328-329. DOI:
<https://doi.org/10.1177/106591298103400211>
 40. Fowler C., Jones R. Fractured Intellectuals and the Nation: Cynog Dafis and Welsh Nationalism // *Contemporary Wales*. 2008. Vol. 21. No 1. P. 130-149.
 41. Jones R., Fowler C. National élites, national masses: oral history and the (re)production of the Welsh nation // *Social & Cultural Geography*. 2007. Vol. 8. No 3. P. 417-432. DOI: <https://doi.org/10.1080/14649360701488872>
 42. Rhodes J. The Nation, the Festival, and Institutionalized Memory: Transoptic Landscapes of the Welsh National Eisteddfod // *GeoHumanities*. 2021. Vol. 7. No 2. P. 558-583. DOI: <https://doi.org/10.1080/2373566X.2021.1903812>
 43. Nairn T. The twilight of the British State // *New Left Review*. 1977. No 101-102. URL.:
<https://newleftreview.org/issues/i101/articles/tom-nairn-the-twilight-of-the-british-state>
 44. Diekmann K. Wales: Interne Kolonie oder Profiteur? // *Europäische Innere Peripherien im 20. Jahrhundert* / hrsg. H-H. Nolte. Franz Steiner Verlag, 1997. S. 87. S. 83-94.
 45. Heath A., Smith S. Varieties of Nationalism in Scotland and England // *Anglo-Scottish Relations, from 1900 to Devolution and Beyond* / ed. W.L. Miller. L.: British Academy Press, 2005. P. 132-152. DOI: <https://doi.org/10.5871/bacad/9780197263310.003.0009>
 46. Brooks S. How liberalism assimilates minorities. The failure to develop a Welsh national movement in the nineteenth century // *Studies on National Movements*. 2014. Vol. 2. No 1. URL.: <https://openjournals.ugent.be/snm/article/id/85404/> DOI:
<https://doi.org/10.21825/snm.85404>
 47. Rawkins P.M. An Approach to the Political Sociology of the Welsh Nationalist

- Movement // Political Studies. 1979. Vol. 27. No 3. P. 440-457. DOI:
<https://doi.org/10.1111/j.1467-9248.1979.tb01214.x>
48. Morgan S. Nationalists and the problem of overcoming invisibility: Catalonia and Wales // Studies on National Movements. 2014. Vol. 2. No 1. URL.:
<https://openjournals.ugent.be/snm/article/id/85400/> DOI:
<https://doi.org/10.21825/snm.85400>
49. Moore D. Writers in Wales: the poet and the public intellectual // Wales Arts Review. 2012. October 25. URL.: <https://www.walesartsreview.org/longform-the-poet-and-the-public-intellectual/>
50. Eley G. Nationalism and Social History // Social History. 1981. Vol. 6. No 1. P. 83-107.
51. O'Toole F. Disunited Kingdom. Will Nationalism Break Britain? // Foreign Affairs. 2023. March – April. URL.: <https://www.foreignaffairs.com/europe/disunited-kingdom-nationalism-break-britain-fintan-otoole>
52. Leeworthy D. Sourcing labour: writing Welsh political history // Wales Arts Review. 2018. November 28. URL.: <https://www.walesartsreview.org/sourcing-labour-writing-welsh-political-history/>
53. Hechter M. Internal Colonialism: The Celtic Fringe in British National Development, 1536 – 1966. Berkeley: University of California Press, 1977. P. 130-132, 138-141.
54. Hroch M. From national movement to the fully-formed nation // New Left Review. 1993. No 198. URL.: <https://newleftreview.org/issues/i198/articles/miroslav-hroch-from-national-movement-to-the-fully-formed-nation.pdf>
55. Kumar K. Britain, England and Europe: Cultures in Contraflow // European Journal of Social Theory. 2003. Vol. 6. No 1. P. 5-23. DOI:
<https://doi.org/10.1177/1368431003006001001>
56. English R. Is there an English Nationalism? L.: Institute for Public Policy Research, 2011. P. 7.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Вторая половина XIX века оказалась ознаменована бурным ростом национализма, сначала в Европе, а затем и в Азии (те же младотурки), становлением национальных государств, что не могло не привести к крушению династийных государств (самый яркий пример «лоскутная монархия» Австро-Венгрия). Конец XX века, в свою очередь, обозначил как центробежные, так и центростремительные силы: в ряду последних не только Советский Союз, Чехословакия, Югославия, но и, что известно гораздо меньше, Великобритания. Напомним, что Соединенное королевство состоит и из таких свободолюбивых образований, как Шотландия и Уэльс, а английский национализм особенно наглядно проявляется и сегодня в Северной Ирландии. В этой связи представляется интересным обратиться к изучению различных националистических идей на территории Британских островов, которые чаще всего находятся в тени английского национализма.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой являются региональные националистические движения как «маргинальный» сюжет современной историографии национализма. Автор ставит своими задачами изучить возможностей применения и трансплантации классических

интерпретаций истории возникновения и развития национализма, концептуализированных в рамках модернистской историографии, в которой успех националистических движений нередко связывался и объяснялся последствиями и результатами социальной и политической модернизации, выявить междисциплинарных связей историографии национализма со смежными направлениями развития современной исторической науки, включая мемориальные исследования, новую социальную историю, историю идей и интеллектуальную историю, проанализировать перспектив интеграции региональных британских сюжетов, связанных с историей валлийского, английского и шотландского национализмов в международную историографию национализма, что неизбежно предусматривает ассимиляцию конструктивистского инструментария в британской традиции изучения истории национализма».

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор отмечает, что сегодня «актуальность в историографии приобретают вопросы, связанные с методологическими и теоретическими аспектами исследования истории национализма на территории Великобритании».

Рассматривая библиографический список статьи как позитивный момент следует отметить его разносторонность: всего в список литературы входят свыше 50 различных источников и исследований, что само по себе говорит о том объеме подготовительной работы, которую проделал ее автор. Несомненным достоинством рецензируемой статьи является привлечение зарубежной англоязычной литературы, что определяется самой постановкой темы. Из привлекаемых автором исследований отметим прежде всего труды таких теоретиков, как Э. Геллнера, М. Хроха, Б. Андерсона, в центре внимания которых методология изучения национализма как универсального и всемирно-исторического явления. Заметим, что библиография статьи обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований в известной мере способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как теориями национализма, в целом, так и изучением национализмов на Британских островах, в частности. Аппеляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что «формально национализм фактического большинства, то есть английский, в исторической литературе нередко оказывался в тени своих более успешных региональных конкурентов, которые привлекали больше внимания со стороны исследовательского сообщества». Более того, автор обращает внимание на то, что «история этих национализмов интерпретируется почти исключительно в британской системе координат, что позволяет авторам игнорировать социальные, политические, культурные и экономические факторы, которые могли быть общими или близкими к аналогичным явлением на территории Европы». В работе показано, что «анализ английского, валлийского и шотландского национализмов через призму региональности, в целом, чрезвычайно интересен в сравнительной перспективе».

Главным выводом статьи является то, что «анализ английского, валлийского и шотландского национализмов через призму региональности, в целом, чрезвычайно интересен в сравнительной перспективе».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по новой и новейшей истории Европы и Америки, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Genesis: исторические исследования».